

ТУРКМАНЧАЙСКИЙ МИРНЫЙ ДОГОВОР И ФОРМИРОВАНИЕ НОВОЙ ЛИНИИ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИКИ В ИРАНЕ

В статье рассматривается проблема формирования новой линии российской политики в Иране после заключения Туркманчайского договора в 1828 г. Это был период, когда отношения между двумя странами обратились от враждебности к сотрудничеству под патронатом России. Двумя основными принципами политики России в Иране после 1828 г. стало строгое соблюдение условий Туркманчайского договора и укрепление политического влияния в стране.

Ключевые слова: Туркманчайский договор, российско-иранские отношения, дипломатические отношения, легитимизм, Иран, Каджары, Российская империя, Великобритания.

Заключение Туркманчайского мирного договора открыло новый этап в развитии российско-иранских отношений и повлекло за собой изменение основных принципов политики России в Иране. Туркманчайский договор заложил прочную основу для бесконфликтного существования двух государств уже самими условиями, включенными в него. Разумеется, эти условия были весьма тяжелыми для Ирана, однако сама тяжесть этих условий (и, в первую очередь, выплата военной контрибуции) гарантировала то, что Иран более не будет проявлять агрессии по отношению к России, поскольку лишится необходимых для подобной агрессии ресурсов. И это прекрасно осознавалось элитой Российской империи. В ответном письме Нессельроде к Паскевичу, отправленном по случаю заключения Туркманчайского договора, вице-канцлер писал: «Должно надеяться, что и дела с Персией примут с сей эпохи прочный и совершенно для нас удовлетворительный ход, ибо, по тщательном соображении, я нашел все статьи трактата Туркманчайского до мелких подробностей обдуманнми с строжайшею точностью и согласными с Высочайше дарованными по сему предмету наставлениями» [1, д. 566, с. 607].

В результате гибели российской миссии во главе с Грибоедовым Иран на какое-то время остался без российского полномочного представителя. Сложность дипломатической ситуации, имевшей все шансы перерасти в новый вооруженный конфликт, препятствовала отправлению в Иран нового полномочного министра. Однако уже в апреле 1829 года, то есть еще до прибытия миссии Хосроу-мирзы в Петербург, в Персию был направлен кн. Н.А. Долгоруков в качестве поверенного в делах. На его долю выпало находиться в Иране в достаточно сложный период реформирования отношений между двумя государствами, и положение его было весьма неопределенным. В частности, МИД не считал возможным «по ненадежности тогдашнего расположения и видов министерства Тегеранского» снабдить его грамотой к шаху [1, д. 700, с. 707]. Поручения, возложенные на Долгорукова, ограничивались сношениями с

---

* © Ларин А.Б., 2014

Ларин Андрей Борисович (ab-larin@mail.ru), кафедра международных отношений Самарского государственного университета, 443011, Российская Федерация, г. Самара, ул. Акад. Павлова, 1.

Аббас-мирзой, поскольку тот командовал сопредельной России провинцией. После извинений, принесенных шахским двором, ситуация изменилась. Долгорукову поручалось препроводить шаху грамоту от императора и уверить его в постоянном дружестве России, а также сообщить, что в скором времени в Иран будет направлен новый полномочный министр [1, д. 700, с. 707]. Отношения России с Ираном вошли в мирное русло.

В этой связи важно обратить внимание на тон, в котором составлялись официальные российские документы, адресуемые в Иран. В них легко проследить два основных мотива, впервые, по-видимому, явно артикулированные в грамоте Николая I Фатх-Али-шаху по случаю приема Хосроу-мирзы. Первый мотив – это постоянный акцент на то, что Иран есть «царство, коего благосостояние основано на неизменной политике Нашего Кабинета» [1, д. 700, с. 708]. Второй состоит в признании и поддержке Аббас-мирзы в качестве наследника иранского престола [1, д. 700, с. 708; 2; 3, л. 50–52 об.; 4, л. 33 об. (1 об.)–34(2)]. Эти две позиции будут регулярно появляться в российских документах вплоть до смерти Аббас-мирзы и Фатх-Али-шаха. Естественно, их присутствие в официальной политической переписке далеко не случайно. Утверждением зависимости благосостояния Персии от расположения России Николай заявлял определенную позицию, в соответствии с которой именно Россия должна иметь преобладающее влияние в Иране. При этом важно отметить, что в существующих обстоятельствах эта претензия не была голословной, но основывалась на вполне реальном военно-политическом превосходстве России в регионе, в чем правительство Ирана имело возможность убедиться во время войны 1826–1828 гг. Признание Аббас-мирзы в качестве наследника, причем в обстоятельствах его снизившейся популярности (в том числе и у шаха), фактически лишало шаха самостоятельности в смене наследника, и тем самым это признание также находилось вполне в контексте постулируемой зависимости Ирана от России. Фактически и то и другое было покушением на суверенитет Ирана. В то же время не следует забывать, что в условиях противоборства России с Англией за влияние в Иране, а также памятуя о глубокой приверженности Николая I принципам легитимизма, ни о какой прямой зависимости Ирана речи идти не могло. Иран оставался независимым государством со всеми вытекающими из этого статуса характерными чертами. Николай лишь хотел подчеркнуть необходимость для Ирана в своей политике ориентироваться на Россию. С определенными оговорками вполне можно допустить, что в целом политика Николая I в отношении Ирана находилась в русле именно этой идеи Ирана как достаточно слабого государства, находящегося в орбите влияния России. Можно найти тому еще одно подтверждение из уст самого императора: если доверять Дюгамелю, то перед отправлением его в Иран в качестве полномочного министра император сказал ему следующее: «Действительно, ничто так не соответствует выгодам России, как бессилие, в котором находятся в настоящее время Турция и Персия» [5, с. 84]. В то же время российская элита выступала за сохранение территориального единства государства Каджаров, чему мы также находим подтверждение в источниках [6, с. 43]. Следует согласиться с мнением Рязановского, что принцип легитимизма оказывал важное влияние на внешнюю политику Николая, в том числе и в восточной политике. Несмотря на успех войны 1826–1828 гг., Николай не желал свержения власти шаха. Династия Каджаров обладала такими же законными правами, как и европейские дворы [10, р. 240]. Рязановский подчеркивает, что Туркманчайский мир, равно как и Адрианопольский, устранял конфликты, которые, получив развитие, привели бы к уничтожению Персии и Турции [10, р. 261].

Кроме того, распад Каджарского Ирана на ряд независимых владений имел бы следствием множество, пользуясь терминологией Нессельроде, «осложнений».

Эти осложнения были связаны с угрозой безопасности российским владениям в Закавказье, угрозой торговым интересам России в Иране, угрозой жизни и безопасности российских подданных и сложностями дипломатического порядка [6, с. 43]. Поэтому сохранение у власти династии Каджаров, как и сохранение территориальной целостности Персии, было важной задачей российской политики (Отмеченные здесь и выше цели и мотивы властей Российской империи нашли отражение в инструкциях российским дипломатическим представителям в Иране [3; 4]). Нужно сказать, что в стремлении сохранить территориальную целостность Персии политика российского правительства совпадала с политикой Англии. Дипломатическая переписка позволяет увидеть, что сохранение единой Персии во главе с Каджарами было той основой, которая позволяла российским и британским представителям совместно действовать в Иране, а Николаю утверждать, что «и у нас, и у англичан одни и те же интересы в Персии» [5, с. 84]. Обобщая все вышесказанное, можно сказать, что политическим идеалом для Николая I была слабая пророссийски-ориентированная Персия во главе с представителями Азербайджанского Дома Каджарской династии.

С другой стороны, сами Каджары в этот период осознают бесперспективность продолжения противостояния с могущественным соседом и переходят к политике мирного сосуществования с Россией. Практика войны 1826–1828 гг. показала, что односторонняя ориентация на Англию не принесла Ирану ожидаемых преимуществ. Несомненно, иранское правительство рассчитывало на серьезную помощь Великобритании. Хотя договор с Англией 1814 года носил оборонительный характер [8, р. 53–56], персы претендовали на то, что в соответствии с ним Англия должна была выплатить Ирану причитающуюся по договору субсидию за весь период войны. Англичане, со своей стороны, указали, что агрессором в последней войне был Иран, в связи с чем соответствующие статьи договора (ст. 3, 4) не должны были распространяться на этот случай. Более того, в 1828 году представитель правительства Индии Джон Макдональд добился исключения из текста договора этих статей взамен на единовременную выплату правительству шаха 200 000 томанов [8, р. 57; 11, р. 244–245]. Разочарование в английской поддержке позволило Каджарам сделать два основных вывода в связи с событиями последней русско-иранской войны. Первый состоял в необходимости осознать тщетность попыток вернуть закавказские территории, а вместо этого укрепить власть персидского правительства над теми областями, которые еще принадлежат шаху. Это и было сделано Аббас-мирзой и Фатх-Али-шахом в начале 30-х годов. Второй вывод состоял в том, что для стабильного существования Ирану необходимо поддерживать тесные и дружественные отношения с Россией. В значительной степени смена внешнеполитических ориентиров каджарской элиты была связана с некоторыми изменениями в ее составе, последовавшими в результате поражения Ирана в войне 1826–1828 гг. Наиболее ярые сторонники борьбы с Россией, такие как Хусейн-хан Ереванский и Аллаяр-хан Асеф-од-Доуле, были устранены от принятия важных политических решений [11, р. 245; 6, с. 34–35]. Азербайджанский Дом, возглавляемый наследником престола Аббас-мирзой, по результатам войны объективно усилился: статья VII договора признавала последнего законным наследником престола иранских шахов [7, с. 221]. Это гарантировало поддержку принцу со стороны России. Значительно усилил свои позиции каймакам принца Абуль Касем Ферахани, который фактически стал играть первенствующую роль в политике Азербайджанского Дома, а следовательно, опосредованно и всего Иранского государства. Несмотря на то что первоначально Абуль Касем был сторонником войны с Россией, эта позиция была, по всей вероятности, вынужденной [9, р. 39]. Наблюдая военнополитическое поражение Ирана, каймакам, быть может, ранее других осознает необходимость сохранения хороших отношений с северным соседом, что делает его убеж-

денным сторонником Туркманчайского договора и выполнения его условий [9, р. 53–54]. Эта перемена в принципах каджарской политики в Закавказье приводит к тому, что объективно создаются предпосылки для тесного взаимодействия между императорской Россией и каджарским Ираном.

Следует особо оговорить положение Аббас-мирзы после заключения Туркманчайского договора. Поражение в войне с Россией и заключение унижительного для Ирана мира, с одной стороны, серьезно подорвало авторитет принца. Его слава полководца поблекла. С другой стороны, теперь его политическое положение было гораздо прочнее, чем у любого из его братьев, поскольку Россия официально признала его наследником. Не будучи русофилом, отныне Аббас-мирза вынужден опираться на Россию. В Петербурге прекрасно понимали, какую роль играет Россия в судьбе принца. Так, Нессельроде писал Паскевичу в 1829 году: «О принце Аббас-мирзе рассуждать не нужно он, кажется, решительно убежден, что его спасение заключается в неразрывном союзе с Россиею» [1, д. 703, с. 709].

Можно выделить два основных направления российской политики в Иране в рассматриваемый период. Это наблюдение за строгим соблюдением всех статей Туркманчайского договора (в первую очередь, касающихся выплаты контрибуции, укрепления позиций Аббас-мирзы и защиты торговых интересов русскоподданных) [7, с. 221–222, 225–230] и поиск возможностей для усиления политического влияния в стране, столь важной для реализации долгосрочных торговых и политических интересов России в Азии. Важно отметить, что эти направления оказывались тесно взаимосвязанными, и определить, где заканчивалась работа по реализации статей Туркманчая и начиналась борьба за влияние, совершенно невозможно. Фактически договор и стал основой для усиления политического (и военного) влияния России в регионе.

Библиографический список

1. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией: в 12 т. Т. 7. / ред. А.П. Берже. Тифлис, 1878.
2. Архив внешней политики Российской Империи (далее – АВПРИ). Ф. «СПб. Главный Архив. I 1». Оп. 781. 1829 г. Д. 69. (док. 71). Л. 133–133 об. Отношение гр. Нессельроде к гр. Паскевичу от 13 сентября 1829 года. № 1832.
3. АВПРИ. Ф. «СПб. Гл. Архив. I-1». Оп. 781. 1832 г. Д. 72 (док. 29). Л. 46–57 об. *Projet d'instruction au Comte Simonitz*.
4. АВПРИ. Ф. «СПб. Гл. Архив. I-1». Оп. 781. 1838 г. Д. 78 (док. 16). Л. 33(1)–44(12). *Projet d'instruction au Colonel Duhamel*.
5. [Дюгамель А.О.] Автобиография А.О. Дюгамеля // Русский архив. М., 1885. № 5.
6. Симонич И.О. Воспоминания полномочного министра. 1832–1838 гг. М., 1967.
7. Юзефович Т. Договоры России с Востоком. Политические и торговые. М., 2005.
8. Aitchison C.U. A collection of treaties, engagements and sanads relating to India and neighbouring countries. Vol. X. Calcutta, 1892.
9. Amanat A. «Russian Intrusion into the Guarded Domain». *Reflections of a Qajar Statesman // Journal of the American Oriental Society*. Vol. 113, № 1 (Jan. – Mar., 1993).
10. Riasanovsky N.V. Nicholas I and official nationality in Russia, 1825–1855. University of California Press. Berkeley; Los Angeles; L. 1959.
11. Watson R.G. A history of Persia from the beginning of the nineteenth century to the year 1858. L., 1866.

References

1. Acts collected by the Caucasian Archaeographic Commission: in 12 vols. Vol.7. A.P. Berzhe (ed). Tiflis, 1878. (in Russ.)

2. Archive of Foreign Policy of the Russian Empire (AVPRI). F. «SPb. Gl. Archiv. I 1». Op. 781. 1829 g. D. 69. (doc. 71). L. 133-133 ob. Nesselrode to Paskevich, 13 September 1829, no. 1832. (in Russ.)
3. AVPRI. F. «SPb. Gl. Archiv. I-1». Op. 781. 1832 g. D. 72 (doc. 29). L. 46–57 ob. Projet d'instruction au Comte Simonitz. (in Russ.)
4. AVPRI. F. «SPb. Gl. Archiv. I-1». Op. 781. 1838 g. D. 78 (doc. 16). L. 33(1)–44(12). Projet d'instruction au Colonel Duhamel. (in Russ.)
5. [Duhamel A.O.] Autobiography of A.O. Duhamel, *Rossiiskii arkhiv [Russian Archive]*. M., 1885, no. 5.
6. Simonich I.O. *Memoirs of the Minister Plenipotentiary. 1832–1838*. M., 1967. (in Russ.)
7. Yuzefovich T. *Treaties of Russia with the East: Political and trade*. M., 2005. (in Russ.)
8. Aitchison C.U. *A collection of treaties, engagements and sanads relating to India and neighbouring countries*. Vol. X. Calcutta, 1892. (in Russ.)
9. Amanat A. «“Russian Intrusion into the Guarded Domain». Reflections of a Qajar Statesman. *Journal of the American Oriental Society*. Vol. 113, № 1 (Jan. – Mar., 1993).
10. Riasanovsky N.V. *Nicholas I and official nationality in Russia, 1825–1855*. University of California Press. Berkeley; Los Angeles; L. 1959.
11. Watson R.G. *A history of Persia from the beginning of the nineteenth century to the year 1858*. L., 1866.

A.B. Larin*

THE TOURKMANCHAY PEACE TREATY AND FORMING THE NEW RUSSIAN POLICY IN IRAN

The article concerns the problem of forming the new way of Russian policy in Iran after the conclusion of the Tourkmanchay Treaty in 1828. It was a period, when the relations between two states turned from the hostility to the cooperation, under the Russian patronage. According to the article, there were two main principles of Russian policy in Iran after 1828: the strict compliance of the Tourkmanchay treaty conditions and strengthening of political influence in the country.

Key words: Tourkmanchay Treaty, Russo-Iranian relations, diplomatic relations, legitimism, Iran, Qajars, Russian Empire, Great Britain.

---

* *Larin Andrey Borisovich* (ab-larin@mail.ru), the Dept. of International Relations, Samara State University, Samara, 443011, Russian Federation.